

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2018»

Москва, 30 мая — 2 июня 2018 г.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКИХ МЕСТОИМЕНИЙ В КОНТЕКСТАХ КОНТРАФАКТИЧЕСКОГО ТОЖДЕСТВА: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Тискин Д. Б. (daniel.tiskin@gmail.com)

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье предпринимается попытка корпусного анализа семантики русских личных и притяжательных местоимений в интенциональных контекстах (на примере контекстов контрафактического тождества). Задача исследования состояла в том, чтобы определить, способны ли местоимения различных типов интерпретироваться *de se* или *de re* в таких контекстах и какая из интерпретаций предпочтительна.

Контекстами контрафактического тождества называются синтаксические позиции, находящиеся в сфере действия модификатора или клаузы, вводящей ирреальное условие, касающееся тождества тех или иных нетождественных в действительности индивидов (ср. *на твоём месте*, англ. *if I were you*). В таких контекстах местоимение может обозначать реальную личность (как в *Я бы на их месте таких должников, как я, в хвост и гриву гоняла; de re*) или же ирреальную (*Я бы на их месте поставил парочку шалашиков в любом приглянувшемся мне месте; de se* — тот, с чьей точки зрения рассматривается ирреальная ситуация).

На материале ГИКРЯ (около 20 млрд словоупотреблений) мы показываем, что местоимения *я* и *мой* допускают как интерпретацию *de re*, так и интерпретацию *de se*, но первая предпочтительна; что возвратное местоимение *себя* также допускает обе интерпретации, но предпочтительнее *de se*; что возвратное притяжательное местоимение *свой* безусловно интерпретируется *de se*. Кроме того, сделаны некоторые качественные наблюдения, касающиеся идентификации атомарного индивида с множественным, как в *я бы на вашем месте не стала морочить себе голову, вы молодые люди у вас ещё всё впереди*.

Ключевые слова: анафора, интернет-корпус, контрафактическое тождество, русский язык, *de re*, *de se*

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-00895.

THE INTERPRETATION OF RUSSIAN PRONOUNS IN COUNTERIDENTITY CONTEXTS: A CORPUS STUDY

Tiskin D. B. (daniel.tiskin@gmail.com)

Saint Petersburg State University

This paper is a first step towards a corpus-based description of the semantics of Russian pronouns in intensional contexts. Having justified the use of corpus in (formal) semantic research, I delineate a particular issue within the topic: whether a given pronoun is interpreted *de se* or *de re* in counteridentity contexts.

A counteridentity context is a clause within the scope of a counterfactual (clause or adverbial) that affects the identity of a real individual, e.g. *if I were you, were I you*, etc. If a pronoun such as *I, my* or the Russian reflexive possessive *svoj* is used in such a context, two options are theoretically possible: either it picks out the speaker's real self (*de re*), or it refers to the identity assumed by the speaker in the contrary-to-fact situations introduced by the counterfactual (*de se*).

Using data from the GICR corpus (approx. 20 billion tokens), I show that for the Russian first-person singular pronoun *ja* and its corresponding possessive *moj*, *de se* reference is possible but *de re* interpretation is more frequent. The opposite holds for the reflexive *sebjja*, whereas *svoj* is interpreted *de se* with no exception. Special attention is paid to situations where more than one referential strategy is possible. The paper concludes with a couple of observations relevant for the future formal accounts of *de se* reference.

Keywords: anaphora, counteridentity, *de re*, *de se*, Russian, Web corpus

1. Интерпретация местоимений в косвенных контекстах

Со времён Г. Фреге [Frege 1892] сентенциальные комплементы некоторых предикатов, таких как модальные предикаты или глаголы пропозициональных установок, рассматриваются как источники «референциальной непрозрачности»: значение предложения оказывается зависимым не только от значений (денотатов) входящих в него выражений и способа их сочетания, но и от того, что Фреге назвал «смыслом», а Р. Карнап [Carnap 1947] — интенционалом. Референциальная непрозрачность, однако, в значительной части случаев является лишь одной из возможностей наряду с «прозрачностью» — такой интерпретацией выражения, находящегося в сфере действия интенционального оператора, как если бы никакого оператора не было. Так, (1) может означать 'Петрович думает: все лингвисты, кто бы они ни были, бездельники' или же 'Есть группа лиц, которых Петрович (знает и) считает бездельниками, а ещё эти лица как раз и составляют множество всех лингвистов'. В последнем случае интерпретация оказывается референциально прозрачной, или *de re*.

- (1) *Петрович думает, что все лингвисты — бездельники.*

Специфическая разновидность такой неоднозначности возникает, когда в сферу действия оператора попадает выражение, способное интерпретироваться *de se*. Под интерпретацией *de se* [Castañeda 1966; Lewis 1979] понимается такая, при которой носителю пропозициональной установки приписывается мысль «от первого лица». Так,

- (2) *Наш кандидат₁ думает, что он₁ победит.*

может означать, что кандидат имеет мысль, выразимую как «Мне обеспечена победа». С другой стороны, предложения типа (2) допускают и интерпретацию *de re*; она была бы истинна, в частности, тогда, когда наш кандидат, изучая отчёт о кампании неизвестного ему лица, думал бы: «Этот человек победит», — тогда как на самом деле отчёт касался бы его собственной кампании. Несмотря на то что условия истинности интерпретации *de se* в случаях типа (2) сильнее, чем у *de re* (истинность *de se* гарантирует одновременную истинность *de re*, но не наоборот), Percus and Sauerland [2003a] убедительно показывают, что *de se* представляет собой отдельное прочтение подобных предложений.

Имеются выражения, для которых интерпретация *de se* обязательна. К ним относятся *pro* ([Chierchia 1989]; но см. возражения в [Cappelen and Dever 2013]) и, возможно, (некоторые) логофорические местоимения [Schlenker 2003; но см. данные в Pearson 2015], а также предикаты-эгоцентрики типа *вкусно* [см. Pearson 2013; Падучева 2017] и эвиденциальные показатели [Korotkova 2017].

2. Контексты контрфактического тождества

Дж. Лакофф [Lakoff 1970] обратил внимание на примеры, где в сфере действия предиката установки оказывается местоимение, совпадающее с субъектом предиката установки:

- (3) *I dreamed that I was playing the piano.*
 ‘Мне снилось, что я играю на пианино’
- (4) *I dreamed I was Brigitte Bardot and I kissed me.*
 ‘Мне снилось, что я Брижит Бардо и что я поцеловал меня’

Лакофф указывает, что в (3) второе *I* может означать как личность, с чьей точки зрения во сне воспринимается мир (тогда говорящий видит пианино с точки зрения сидящего за ним пианиста и т. п.; *de se*), так и личность говорящего при взгляде на неё со стороны (говорящий видит себя самого за пианино со стороны; *de re*). Пример (4) может означать, что говорящий «в теле» Брижит Бардо, с чьей точки зрения он видел сон, поцеловал говорящего, которого видел со стороны (и только в этом случае (4) не нарушает требования теории связывания, согласно которому следовало бы употребить *myself* вместо *me*). Обратное невозможно: у (4) нет интерпретации, при которой во сне некто в теле говорящего целует говорящего, заключённого в тело Брижит Бардо (см. об этом [Percus and Sauerland 2003b]).

К примерам Лакоффа примыкают примеры, где ирреальное тождество вводится оборотами типа *if I were you* или *на твоём месте*. А. Арреги [Arregui 2007] отмечает, что в контексте *if I were you* допускается референция *me* к реальной, а не контрфактической личности говорящего, тогда как *if you were him/her* и *if (s)he were you* практически не допускают такой возможности для, соответственно, *you* и *him/her*. Наша выборка для русского языка (см. §4) сформирована с учётом этого обстоятельства; впрочем, в ГИКРЯ встречаются единичные примеры наподобие (5)–(6).

- (5) ...но он сказал, что если бы он был мной, то поступил, как и я — развелся бы с ним.
- (6) «На моём месте ты бы не стал тусить с таким, как ты?»

Наконец, К. Кауф [Kauf 2016, 2017] обращает внимание на то, что отмеченные Арреги ограничения — общие у контрфактического тождества с примерами типа (4). Кауф предполагает, что языки, в которых, как в русском, типичный зачин для советов ‘на твоём месте’ выглядит не так, как клауза со значением ‘если бы я был тождествен тебе’, свидетельствуют о неоднозначности *if I were you* в английском; в значении совета *if I were you* не означает отождествления говорящего с адресатом, пусть даже и контрфактического.

3. Мотивация исследования

Хотя в последние десятилетия исследования референции местоимений в косвенных контекстах приобрели популярность, корпусные методы, насколько нам известно, в таких исследованиях до сих пор использовались незначительно. Действительно, использование корпусов сталкивается здесь с двумя проблемами:

- (a) корпусные данные не сопровождаются семантическим комментарием, и в их интерпретации исследователь вынужден полагаться на суждение лиц, не являющихся авторами высказывания;
- (b) исследуемые явления, такие как чтения *de re* для местоимений, способных иметь интерпретацию *de se*, достаточно редки в естественной речи, так что в корпусе может не оказаться достаточного числа примеров.

Вторая проблема оказалась отчасти решена с появлением сверхбольших корпусов, таких как, в частности, Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ, <http://webcorpora.ru>). Корпус, насчитывающий около 20 млрд словоупотреблений, уже достаточно велик и представительен в интересующем нас отношении, чтобы даже несложные запросы к нему могли быть информативны (т. е. содержать релевантные данные и притом в количестве, достаточном хотя бы для элементарных статистических выкладок).

Частичное решение первой проблемы состоит в том, что работающий с корпусом исследователь сам является носителем исследуемого языка, а в случае необходимости может обратиться к расширенному контексту, в т. ч. и путём перехода на интернет-страницу, откуда взят пример (там, где это возможно).

Разумеется, отсутствие тех или иных примеров в корпусе не означает их неприемлемости, но сравнение частот и само по себе оказывается информативным. Наконец, выбор русского языка, помимо сказанного в конце §2, представляет интерес потому, что русский отличается от английского языка, до сих пор подробнее всего описанного в интересующем нас отношении, наличием возвратного притяжательного местоимения.

4. Материал исследования

Материалом исследования послужили извлечённые из ГИКРЯ контексты, в которых личное, возвратное или притяжательное местоимение выступает в сфере действия контрфактического условия, семантика которого затрагивает тождество индивидов, называемых данными местоимениями. Принимаемая идентичность могла варьировать, но множество «реципиентов» новой идентичности мы ограничили говорящим — референтом местоимения я. Поскольку нас интересовало поведение местоимений в контекстах, затрагивающих именно тождество их референтов, то, к примеру, в контексте условия *на твоём месте я бы...* рассматривалось поведение местоимений я, мой, ты, твой, мы², наш, вы³, ваш, себя, свой, но не он, она, оно, они; в контексте условия *на её месте я бы...* вместо ты, твой, вы, ваш рассматривались она, её; аналогично для других типов условий. Не учитывалась нулевая анафора, как в (7), где опущено подлежащее, восстанавливаемое по согласованию формы *докажете*.

(7) *Но на практике, я бы на Вашем₁ месте рисковать не стала, слепо думая, что \emptyset_1 докажете свою невиновность⁴*

Кроме того, не учитывался субъект главной клаузы — я (однако в случае вложения клауз субъекты всех придаточных, находящихся в сфере действия контрфактического условия, учитывались).

Для каждого рассматриваемого местоимения мы определяли, как устанавливается референция местоимения: в мире произнесения (т.е. в действительном мире, где я — это говорящий, а ты, она и пр. — отличные от говорящего индивиды), как в (8), или же в соответствующих ирреальному условию мирах, где личность говорящего «перенесена» в личность другого индивида, как в (9).

(8) *я бы на твоём месте сделал себе такой юзерник для комментов)*

² В случаях, когда в условии выступало местоимение единственного числа, мы учитывали и местоимения множественного числа, если множество, являющееся их референтом, включало референт местоимения ед. ч. Случай, когда местоимение мн. ч. отсылало к совокупности, включающей как говорящего, так и референта местоимения ед. ч., однако, исключались; ср.: *Так что я бы на вашем месте составил для нашего города не одну заявку, а 3–4 сразу* (видимо, говорящий и адресат живут в одном городе).

³ Местоимения вы и Вы нами не различались.

⁴ Этот и все последующие нумерованные примеры взяты из ГИКРЯ. Примеры из ГИКРЯ могут быть фрагментарными. Мы восстанавливаем пример целиком там, где доступен исходный текст страницы.

(9) *Я бы на твоём месте уже бы послала бы себя куда подальше.*

В (8) *себе* относится к личности говорящего в альтернативном мире, где он «встаёт на место» адресата, тогда как в (9) *себя* отсылает к самой говорящей: её похвала адресату состоит в том, что именно она, а не адресат, непроста в общении, но адресату удаётся с нею уживаться.

Подсчёты, которые были сделаны, могут быть использованы двояко:

- (а) для выяснения того, с какой частотой (и в каких случаях чаще) то или иное местоимение используется с актуальной референцией и с какой — со «смещённой» референцией, соответствующей контрфактическим альтернативам;
- (б) для выяснения того, какое из потенциально синонимичных местоимений, конкурирующих в данной позиции, чаще выбирается говорящими.

Случаи, которые мы имеем в виду в (б), — это конкуренция *я* и *себя*, а также *мой* и *свой* за роль единицы, обозначающей действительную личность говорящего (sp-r) и за роль единицы, обозначающей личность говорящего в альтернативных мирах (sp-c).

5. Результаты

Наша основная выборка 1 состоит из контекстов, в которых встречается последовательность *на X месте я* или *я бы на X месте*, где $X \in \{ \text{вашем, его, её, их, твоём} \}$ ⁵.

5.1. Семантика местоимений

Следуя описанной выше процедуре включения контекстов в рассмотрение, мы получили выборку следующего состава.

В **Таблице 1** подчёркнуты числа, соответствующие вхождениям тех же местоимений, что и местоимение в контрфактическом условии.

Мы объединяем личные и связанные с ними притяжательные местоимения, условно именуя их вместе «(от)личными». Из **Таблицы 2** видно различие между возвратным местоимением *себя* и соответствующим ему притяжательным *свой*, однако допустимо и объединить их (ср. термин *reflexive possessive*); эту группу мы называем «(от)возвратными». С учётом этой конвенции данные **Таблицы 2** могут быть обобщены следующим образом.

Столь высокая доля реальной референции для личных местоимений отчасти обусловлена тем, что мы учитывали и местоимения 2 и 3 лица, отсылающие к упоминаемым в контрфактическом условии индивидам. Тем не менее, для *я* доля реальной референции также высока (82,8%).

⁵ В данной работе мы отвлекаемся от того обстоятельства, что *себя* в значительной части случаев выступает в составе устойчивых выражений *вести себя, чувствовать себя, покончить с собой*.

Таким образом, для личных местоимений не исключена интерпретация *de se*, связанная с «новыми» идентичностями, которые приносит с собой косвенный контекст, но предпочитается всё же интерпретация *de re*, связанная с первичным дейкисом. Возвратное местоимение в примерно равной степени допускает обе стратегии⁶, а возвратное притяжательное **всегда** интерпретируется *de se* — ассоциируется с ближайшим доступным дейктическим центром (в данном случае — вводимым ирреальным условием), что приводит к монополии вторичного дейкиса там, где он вообще возможен.

Таблица 1. Референция исследованных местоимений в выборке 1 (подсчёт контекстов)

В условии	Референция	Местоимения												Σ		
		ваш	вы	его	мой	мы	наш	он	она	они	свой	себя	твой		ты	я
ваш	реальная	33	50	0	18	7	1	0	0	0	0	7	0	0	47	163
	смещённая	0	0	0	3	0	0	0	0	0	36	42	0	0	9	90
его	реальная	0	0	2	4	11	4	11	0	0	0	29	0	0	71	132
	смещённая	0	0	0	8	0	0	0	1	0	34	57	0	0	17	117
её	реальная	0	0	0	0	2	1	0	2	0	0	2	0	0	12	19
	смещённая	0	0	0	3	0	0	0	0	0	3	7	0	0	2	15
их	реальная	0	0	0	5	14	5	0	0	4	0	20	0	0	33	81
	смещённая	0	0	0	4	0	0	0	0	0	26	39	0	0	6	75
твой	реальная	2	0	0	5	1	0	0	0	0	0	7	8	17	20	60
	смещённая	0	0	0	1	0	0	0	0	0	22	17	0	0	4	44
Σ	реальная	35	50	2	32	35	11	11	2	4	0	65	8	17	183	455
	смещённая	0	0	0	19	0	0	0	1	0	121	162	0	0	38	341

Таблица 2. Референция различных групп местоимений в зависимости от семантики основы в выборке 1. Для всех пар столбцов, кроме «личные» vs. «притяжательные (от личных)», $p \ll 0.001$ ⁷

референция	личные	притяжательные (от личных)	возвратное (себя)	притяжательное (от возвр.: свой)
реальная	302 (88,6%)	88 (82,2%)	65 (28,6%)	0 (0%)
смещённая	39 (11,4%)	19 (17,8%)	162 (71,4%)	121 (100%)

⁶ Из таблицы 1 видно, что *себя* значимо чаще имеет реальную интерпретацию при *его* или *их* в условии, чем при *ваш*. Возможно, это связано с тем, что вторичный дейкис, связанный с точкой зрения собеседника, более естествен, чем связанный с точкой зрения третьего лица.

⁷ Здесь и далее используется двусторонний вариант критерия χ^2 .

Таблица 3. Референция личных/возвратных и притяжательных местоимений в зависимости от семантики основы в ГИКРЯ (выборка 1). $\chi^2 \approx 371,16$, $p \ll 0.001$

референция	(от)личные	(от)возвратные
реальная	390 (87,1%)	65 (18,7%)
смещённая	58 (12,9%)	283 (81,3%)

5.2. Выбор стратегии выражения

Обратимся теперь к проблеме выбора средств выражения в случаях, когда теоретически существует больше одной единицы, способной выразить требуемое значение в данной позиции. Это касается значений ‘sp-r’, ‘sp-c’ и соответствующих им посессивных значений.

Необходимо помнить, что, помимо собственно семантических ограничений на референцию местоимений, могут существовать дистрибутивные ограничения на их употребление. Так, если ограничить подсчёты придаточными предложениями (в смысле традиционной грамматики), доля *себя* и *свой* значительно падает везде, где она не была уже равна 0 (см. таблицу 4). Это, разумеется, связано с тем, что анафор⁸ в нормальном случае должен быть связан в своём домене [Chomsky 1981; Тестелец 2001: 598], а потому *себя* и *свой* с интересующей нас референцией встречаются в придаточном либо если подлежащее этого придаточного — тоже местоимение из нашего набора (10) (в т. ч. опущенное (11)), либо если это подлежащее нулевое, как в (12)–(13) [см. Падучева 1985: 191–192].

(10) *...хотя я бы на их месте делала бы ставки, когда я споткнусь и заплетусь на своих 10-сантиметровых каблуках, которые одела в честь весны, чтобы показать свои красивые ноги.*

(11) *Я бы на её месте обиделся, если бы \emptyset мог найти свои носки под диваном*

(12) *я бы на вашем месте стала бы думать, как про свою экскурсию провести так, чтобы деткам*

(13) *Я бы на Вашем месте не педалировал особенно эту тему, чтобы про не создавать о себе странное впечатление.*

⁸ Заметим, впрочем, что в некоторых из наших примеров *свой* субстантивировано: *На его месте я бы плюнул на эти стандарты и снимал бы свой.*

Таблица 4. Выбор стратегии выражения sp-r, sp-c и соответствующих посессивных значений в ГИКРЯ (выборка 1)

Вся выборка							
sp-r		sp-c		sp-r.poss		sp-c.poss	
я	183 (74%)	я	38 (19%)	мой	32 (100%)	мой	19 (14%)
себя	65 (26%)	себя	162 (81%)	свой	0 (0%)	свой	121 (86%)
$p \ll 0.001$				$p \ll 0.001$			

Только придаточные							
sp-r		sp-c		sp-r.poss		sp-c.poss	
я	26	я	30	мой	2	мой	15
себя	0	себя	5	свой	0	свой	5
—				—			

Итак, хотя *я* и *себя* оба допускают интерпретацию ‘sp-r’ или же ‘sp-c’, они неодинаковы с точки зрения предпочтений: для ‘sp-r’ значимо чаще предпочитается *я*, для ‘sp-c’ — *себя*. В случае притяжательных местоимений неспособность *свой* выражать ‘sp-r’ приводит к безальтернативности *мой* в этом значении. Тот факт, что наличие или отсутствие в языке возвратных притяжательных местоимений приводит к сужению или, соответственно, расширению сферы употребления невозвратных, упоминается в литературе для французского [Charnavel 2009: 66] и русского [Déchaine and Wiltschko 2010] языков; здесь же изменение сферы употребления *мой* происходит в пределах одного языка в зависимости от пригодности той или иной позиции для употребления рефлексивов. Сравнительно большая доля *мой* в случае ‘sp-c’ в основном связана с его употреблением в придаточных, где *свой* невозможно употребить из-за большого синтаксического расстояния от антецедента (14), хотя есть и случаи выбора *мой* в ситуациях конкуренции (15).

(14) *Не знаю, согласятся ли со мной украинцы, но я бы на их месте гордился, если бы мой [*свой] земляк был создателем первой ракетной техники*

(15) *Я бы на твоём месте думала бы как это сообщить моему [оксвоему] босу...)))*

5.3. Различия в контрфактических условиях?

В §2 мы упомянули рассуждения К. Кауф о различиях между *на твоём месте* и *если бы я был тобой*, ср. (16)–(17). Чтобы проверить, распространяются ли эти различия на поведение местоимений, мы сформировали отдельную выборку.

(16) *Если бы я была тобой, то в данной ситуации просто не знала бы, куда себя деть от ярости)*

(17) *будь я тобой, я бы на меня не надеялся.*

Выборка 2 состоит из контекстов с последовательностью *будь я Y* или *если бы я был(а) Y*, где $Y \in \{ \text{вами, ей, ею, им, ими, тобой} \}$. Они существенно менее распространены, чем контексты, составившие выборку 1. Как и для выборки 1, наблюдается значимое различие между (от)личными и (от)возвратными местоимениями:

Таблица 5. Референция личных/возвратных и притяжательных местоимений в зависимости от семантики основы в ГИКРЯ (выборка 2). $\chi^2 \approx 4,23$, $p < 0.05$

референция	(от)личные	(от)возвратные
реальная	22	7
смещённая	8	11

Дальнейшие различия ввиду малого числа примеров оказались незначимы, хотя личные местоимения и *себя* и здесь демонстрируют обе стратегии выбора референта, а *свой* безысключительно получает смещённую референцию везде, где два типа референции различаются⁹.

6. Заключительные замечания

Сверхбольшие корпуса делают возможными корпусные исследования проблем, ранее изучавшихся только с опорой на компетенцию носителя, в частности — при условии, что интерпретатором корпусных примеров выступает носитель, — ряда проблем формальной семантики. Данная статья представляет собой первый опыт корпусного исследования референции местоимений в контекстах контрфактического тождества в русском языке.

Как было показано выше, (от)личные и возвратные местоимения способны отсылать как к действительной, так и к контрфактической личности. Тем не менее, в случае говорящего *себя* имеет смещённую референцию значительно чаще, чем актуальную, и выбирается для выражения смещённой референции значительно чаще, чем для выражения актуальной. Возвратное притяжательное местоимение безысключительно отсылает к контрфактической личности, если находится в сфере действия оператора, вводящего такую в рассмотрение.

Ряд вопросов остался вне нашего обсуждения. Так, мы не рассматривали случаев, когда глагол, согласующийся с *я* по ед. ч., имеет семантику,

⁹ К числу случаев, где различия нет (и которые мы по возможности отбрасывали), принадлежат такие, в которых им или ею имеет нереферентный референциальный статус [Падучева 1985: 147–150; Тискин 2015]. Иногда для решения этого вопроса требуется обращение к более широкому контексту:

(i) *Хорошо, что я не летучая мышь..*

..ведь если бы я была ею, я не смогла бы ходить со своим любимым плеером.

несовместимую с единичностью субъекта. Такой случай в нашей выборке был, впрочем, только один¹⁰:

(18) *так что на вашем месте я б объединялся в Совет Ветеранов, хотящих выжить в условиях дикой конкуренции.*

Наконец, отметим, что самый факт приемлемости предложений с контрфактическими условиями *на вашем месте я...*, *на их месте я...*, *будь я вами* и пр., по-видимому, заставляет внести модификации в семантику для *de se*, основанную на идее У. В. О. Куайна и Д. Льюиса [Quine 1968; Lewis 1979] о **центрированных** мирах: обычно считается, что значением (придаточного) предложения в такой семантике является множество пар ⟨мир, индивид¹¹⟩, однако возможность «переноса идентичности» говорящего на множество (референт *вы* или *они*) показывает, что в качестве вторых элементов пар могут выступать не только атомарные, но и множественные индивиды — мереологические суммы атомарных (в смысле [Link 1983]). Практически полный запрет на дистрибутивные клаузы типа **если бы я был каждым из вас* не является достаточным аргументом (он может быть синтаксическим), но в (18) множественности требует семантика.

Литература

1. Arregui A. (2007). *Being me, being you: Pronoun Puzzles in Modal Contexts*. In: E. Puig-Waldmüller (ed.), *Proceedings of Sinn und Bedeutung 11*. Barcelona: Universitat Pompeu Fabra. Pp. 31–45.
2. Cappelen H., Dever J. (2013). *The Inessential Indexical: On the Philosophical Insignificance of Perspective and the First Person*. OUP.
3. Carnap R. (1947). *Meaning and Necessity*. University of Chicago Press.
4. Castañeda H.-N. (1966). 'He': A study in the logic of self-consciousness. *Ratio*, vol. 8, pp. 130–157.
5. Charnavel I. (2009). *Linking Binding and Focus: on intensifying son propre in French*. MA thesis, UCLA.
6. Chierchia G. (1989). Anaphora and attitudes *de se*. In: R. Bartsch, J. van Benthem and P. van Emde Boas (eds.), *Semantics and Contextual Expression*. Kluwer/Reidel. Pp. 1–31.
7. Chomsky N. (1981). *Lectures Government and Binding: The Pisa Lectures*. De Gruyter.
8. Déchaine R.-M., Wiltschko M. (2010). *When and why can 1st and 2nd person pronouns be bound variables?* Ms., University of British Columbia.
9. Frege G. (1892). *Über Sinn und Bedeutung*. *Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik*, Bd. 100, S. 25–50.

¹⁰ Ср., впрочем, и пример с множественностью **в составе** группы сказуемого: *на вашем месте я бы серьезно задумалась над состоянием и наполнением своих голов*.

¹¹ Т. е. «центр» мира, тот индивид в мире — первом компоненте пары, с которым отождествляет себя носитель пропозициональной установки.

10. Kauf C. (2016). Counterfactuals and (counter-)identity: The identity crisis of “If I were you”. MA thesis, University of Göttingen.
11. Kauf C. (2017). An Analysis of Counteridenticals in Terms of Dream Reports. Presented at Sinn und Bedeutung 22.
12. Korotkova N. (2017). A novel route to ‘de se’. Presented at the 18th Szklarska Poręba Workshop on the Roots of Pragmasemantics.
13. Lakoff G. (1970). Counterparts, or the Problem of Reference in Transformational Grammar. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED022152.pdf>.
14. Lewis D. (1979). Attitudes *de dicto* and *de se*. The Philosophical Review, vol. LXXXVIII, no. 4. Pp. 513–543.
15. Link G. (1983). The Logical Analysis of Plurals and Mass Terms: A Lattice-Theoretical Approach. In: R. Bäuerle, C. Schwarze and A. von Stechow (eds.), Meaning, Use and Interpretation of Language. Berlin/New York: de Gruyter. Pp. 303–323.
16. Paducheva E. V. (1985). The Utterance and Its Relation to Reality [Vyskazyvanie i ego sootnesyonnost’ s deystvitel’nostyu]. Moscow: Nauka. [Падучева Е. В. (1985). Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука.]
17. Paducheva E. V. (2017) Egocentric items in language [Ègotsentricheskie yazykovye edinitsy]. Russian corpus grammar (<http://rusgram.ru>). [Падучева Е. В. (2017). Эгоцентрические языковые единицы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи.]
18. Pearson H. (2013). A judge-free semantics for predicates of personal taste. Journal of Semantics, vol. 30, no. 1. Pp. 103–154.
19. Pearson H. (2015). The interpretation of the logophoric pronoun in Ewe. Natural Language Semantics, vol. 23, no. 2. Pp. 77–118.
20. Percus O., Sauerland U. (2003a). On the LFs of attitude reports. In: Proceedings of Sinn und Bedeutung 7. Pp. 228–242.
21. Percus O., Sauerland U. (2003b). Pronoun movement in dream reports. In: Proceedings of NELS, vol. 33. Pp. 265–284.
22. Quine W. V. O. (1968). Propositional objects. Crítica: Revista Hispanoamericana de Filosofía, vol. 2, no. 5. Pp. 3–29.
23. Schlenker P. (2003). A plea for monsters. Linguistics and Philosophy, vol. 26, no. 1. Pp. 29–120.
24. Testelets Ya. G. (2001). General Syntax: An Introduction [Vvedenie v obshchiy sintaksis]. Moscow: RSUH. [Тестелец Я. Г. (2001). Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ.]
25. Tiskin D. B. Anaphora to predicates and the properties of Russian NPs [Anafora k predikatu i kharakteristiki russkoy imennoy gruppy]. In: E. Lyutikova, A. Zimmerling, M. Konoshenko (eds.), Typology of Morphosyntactic Parameters 2015. Moscow: MSPU. Pp. 334–352. [Тискин Д. Б. (2015). Анафора к предикату и характеристики русской именной группы. Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко (ред.) Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров — 2015». М.: МПГУ. С. 334–352.]